

**МОИ ЛИТЕРАТУРНЫЯ И
ПРАВСТВЕННЫЯ СКИТАЛЬЧЕСТВА^{*)}**

ТОВАРИЩИ МОЕГО УЧИТЕЛЯ

Да! я помню, живо помню тебя, маленькая, низкая проходная комната моего наставника, съ окномъ выходившимъ на «галдарейку», надъ которой была еще другая «галдарейка», галдарейка мезонина и мезонинныхъ барышень, хозяйкиныхъ дочерей, - комната съ полинявшими до крайней степени безцвѣтными обоями, съ кожаной софою изъѣденной безчисленными клопами и съ портретомъ какой-то «таинственной монахини» въ старой рамкѣ съ вылинявшею позолотою надъ этой допотопною софою... Подъ вечеръ Сергѣй Ивановичъ, пока еще не зажигали свѣчей,

^{*)} Примѣчаніе автора. Такъ какъ воспоминанія мои связаны только хронологическимъ порядкомъ и притомъ этотъ отдѣлъ ихъ начинается прямо съ очерка литературной поры тридцатыхъ годовъ, то я не считаю нужнымъ ссылаться на начальныя главы, въ которыхъ очертилъ я впечатлѣнія младенчества.

въ часъ «между волка и собаки» ложился на нее - и я тоже подлѣ него. Онъ обыкновенно запускалъ свою очень нѣжную и маленькую руку въ мои волосы, игралъ ими и рассказывалъ мнѣ древнюю исторію или фантазировалъ на темы большею частію очень странныя. До неестественности впечатлительный, онъ не безплодно слушалъ отцовское (т. е. моего отца) чтеніе романовъ Радклифъ или Дюкре Дюмениля: ему самому все хотѣлось стать героемъ какой нибудь таинственной исторіи - и почему-то къ этой таинственной или просто нескладно-дикой исторіи онъ припутывалъ и меня.

Но о немъ и его странныхъ бесѣдахъ со мною - послѣ.

Комнатка подъ вечеръ становилась почти каждый день мѣстомъ сходимости студентовъ, товарищей моего учителя. Его когда-то любили, хоть онъ и не блисталъ особенной талантливостью и къ нему ходили, потомучто онъ самъ рѣдко выходилъ изъ дому. Онъ вообще долгое время былъ поведенія примѣрнаго.

Онъ былъ, какъ я уже сказалъ, очень молодъ и главное мягокъ какъ воскъ. Кромѣ того, отецъ его и его родные отдали его въ семейный домъ, извѣстный столько же строгостью нравовъ, сколько радушіемъ и хлѣбосољствомъ, отдали такъ сказать «подъ начало» къ человѣку, который въ своемъ кругѣ считался въ нѣкоторомъ родѣ свѣтиломъ по уму и образованію и даже пофранцузски говорилъ нерѣдко съ совѣтниками губернскаго правленія или съ самими вицъ-губернаторами, производившими каждый годъ такъ называемую «ревизию» въ весьма низменномъ и невзрачномъ тогда мѣстѣ, называвшемся Московскимъ магистратомъ.

Мой отецъ дѣйствительно имѣлъ на своихъ товарищей, и уже тѣмъ болѣе на молоденькаго семинариста то, что называлъ онъ, «асанданъ»... Да и любилъ же онъ, покойникъ, и употреблять (нерѣдко злоупотреблять) и показывать этотъ «асанданъ»... Умный и добрый по природѣ, онъ основывалъ свой, этотъ милый сердцу его, «асанданъ» не на умѣ и добротѣ, а на

плохомъ французскомъ языкѣ да на лоскутьяхъ весьма поверхностнаго образованія вынесеннаго имъ изъ университетскаго благороднаго пансіона... Кромѣ того крѣпко засѣла въ его натуру да и въ натуру всѣхъ членовъ нашего семейства честь дворянскаго сословія, можетъ быть именно потому крѣпко засѣла, что происхожденіе ея, этой сословной чести, не терялось въ неизвѣстности какъ источники Нила - а просто на просто сказывалось родствомъ изъ духовенства по мужеской линіи да вольноотпущенничества по женской.

И странное это дѣло! Ну добро бы отецъ, не смотря на свой умъ все-таки человекъ весьма прозаическій, былъ заряжонъ этою сословною честью! Старшая тетка, экзальтированная до пониманія многихъ возвышенныхъ вещей, съ увлеченіемъ читавшая Пушкина и съ жаромъ повторявшая «исповѣдь Наливайки» - и та скрывала отъ себя источники нашего Нила, а дядя - впечатлительный головою до всяческаго

вольнодумства - терпѣть не могъ этихъ источниковъ. Я вѣдь вотъ увѣренъ, что если эти страницы и теперь попадутся моей старшей теткѣ, которая и сама можетъ быть не подозрѣваетъ какъ много она имѣла вліянія на мое отроческое развитіе своей, по формамъ странной, по страстной и благородной экзальтаціей, - я увѣренъ, говорю я, что моя плебейская искренность и теперь даже сдѣлаетъ на нее очень непріятное впечатлѣніе.

Всю эту рѣчь велъ я къ тому, чтобы объяснить свойство того «асандана», который имѣлъ мой отецъ на моего наставника и которымъ обуславливалось многое, почти что все въ обстановкѣ жизненной, этого послѣдняго, - обуславливалось уже всеконечно и его товарищество. Живя въ семейномъ домѣ и притомъ почти какъ членъ семьи, откармливаемый на славу и хотя вознаграждаемый денежно весьма скудно, но не имѣвшій возможности найти себѣ что либо повыгоднѣе, - онъ конечно долженъ былъ хотя - нехотя

сообразоваться со вкусами и привычками дома.

Кто ходилъ къ нему тотъ большею частію становился общедомашнимъ знакомымъ, стало быть такъ или иначе приходился «ко двору», а кто ко двору не приходился, тотъ, навѣрно всегда можно было сказать, ходилъ не долго.

А между тѣмъ университетъ, къ которому принадлежалъ мой юный наставникъ былъ университетомъ конца двадцатыхъ и начала тридцатыхъ годовъ и притомъ университетъ московскій - университетъ весь полный трагическихъ вѣяній недавней катастрофы и страшно отзывчивый на все тревожное и головокружительное, что носилось въ воздухѣ подъ общими именами Шеллингизма въ мысли и романтизма въ литературѣ, университетъ погибавшаго Полежаева и другихъ.

Я бы могъ по источникамъ той эпохи довольно близко мнѣ знакомымъ наговорить много объ этомъ тревожномъ университетскомъ поколѣніи, но я

поставилъ себѣ задачею быть историкомъ только тѣхъ вѣяній, которыя самъ я почувствовалъ, передать цвѣтъ и запахъ ихъ, этихъ вѣяній, такъ какъ я самъ лично припоминаю и въ томъ порядкѣ въ какомъ онѣ на меня дѣйствовали.

Ясное дѣло, что ни съ Полежаевымъ ни съ кругомъ подобныхъ этой волканической личности людей мой Сергѣй Ивановичъ не былъ и не могъ быть знакомъ, какъ по своей мягкой и ослабленной натурѣ, такъ и по своей обстановкѣ, по свойству того «асандана», которому онъ подчинился.

Ему это впрочемъ и тяжело-то особенно не было. «Романтизмъ» коснулся его природы только комическими сторонами т. е. больше на счетъ чувствій, да развѣ изрѣдка на счетъ пьянства, но ни стоять по вечерамъ на тротуарныхъ столбикахъ передъ окнами низенькихъ домовъ замоскворѣчья, ни даже изрѣдка предаваться пьянству «асанданъ» не воспрещалъ ему нисколько. Походженія его «асанданомъ» даже поощрялись, потому что служили не малою потѣхою въ

однообразной домашней жизни. А пьянство - какъ известно всѣмъ, «даже не учившимся въ семинаріи» - и порокомъ-то вообще не считается въ обычномъ земскомъ быту...

Буйства, буйства въ различныхъ его проявленіяхъ, неуваженія къ существующему боялся мой отецъ... Вотъ чего!.. Запуганный съизмальства кряжовымъ деспотизмомъ кряжоваго человѣка, каковъ былъ мой дѣдъ, хоть не физически, но морально забитый до того, что изъ благороднаго пансіона никакихъ впечатлѣній не вынесъ онъ, кромѣ стихотворенія

Танцовальщикъ танцоваль

А сундукъ въ углу стояль;

никакихъ воспоминаній, кромѣ строгости инспектора, барона Девильдье - разошедшійся почти точасъ же по выходѣ изъ заведенія съ товарищами, изъ которыхъ многіе стали жертвою катастрофы и ошеломленный этою катастрофою до ея положительнаго непониманія, - онъ если не былъ убѣжденъ въ томъ, что

Ученость вотъ чума - ученость
Вотъ причина!

то за то вполне чувствовалъ глубокий
смысль пословицы что «ласково телятко
двѣ матки сосеть» - и какъ разсудочно-
умный человекъ инстинктивно глубоко
разумѣлъ смыслъ нашей общественной
жизни, гдѣ люди дѣлились тогда очень ярко
на двѣ категоріи: на «людей большихъ» и
«людей маленькихъ»... Ну, большому
кораблю большое и плаваніе - а маленькіе
люди всячески должны остерегаться
буйства.

Буйные люди стало быть не ходили къ
моему наставнику, а ходили все люди
смирные: только нѣкоторые изъ нихъ въ
пьяномъ образѣ доходили до сношеній
болѣе или менѣе близкихъ съ городской
полиціею, да и такіе были впрочемъ у отца
на дурномъ замѣчаніи, и болѣе или менѣе
скоро выпроваживались то тонкою
политикою, то - увы! въ случаѣ внезапныхъ
приливовъ самодурства - и болѣе крутыми
мѣрами, отъ строгихъ увѣщаній Сергѣю
Ивановичу до звѣрообразныхъ взрывовъ,

свойственныхъ вообще нашей, весьма взбалмошной, хоть и отходливой сердцемъ породѣ.

Но смирнымъ, «нѣжнымъ» сердцамъ отецъ нисколько не мѣшалъ. Напротивъ самъ бывало придетъ, балагурить съ ними, неистоичимо и интересно рассказываетъ преданія время Екатерины, Павла, двѣнадцатаго года, сидитъ чуть не до полночи въ табачномъ дыму, отъ котораго бывало хоть «топоръ повѣсь» въ воздухѣ маленькой комнатки - а поймаетъ, нѣкоторыхъ, такъ сказать своихъ любимцовъ, и въ парадныя комнаты позоветъ - и «торжественнымъ» т. е. не обычнымъ чаемъ угощаетъ часовъ въ семь вечера...

Потому точно: люди все были подходящіе и уступчивостью и добрыми правилами отличались. Многіе даже пріятными талантами блистали - и гитара переходила изъ рукъ въ руки и молодые здоровые голоса - съ особенною крылосною граціею и съ своего рода меланхоліею,

конечно болѣе такъ сказать для шику на себя напущенною, воспѣвали или:

Подъ вечеръ осенью ненастной

Въ пустынныхъ дѣва шла мѣстахъ.

или «прощаюсь ангель мой съ тобою»

или - съ особенною чувствительностію:

Не дивитесь друзья,

Что не разъ

Между васъ

На пару веселомъ я

Призадумывался

на извѣстный глубоко задушевный народно-хохлацкій мотивъ, на который доселѣ еще поется эта пѣсня Раича во всякой стародавней «Симандро» (Семинаріи) и «Кончень, кончень дальній путь» во всякой лакейской, если лакейскія еще не совсѣмъ исчезли съ лица земли... Отецъ мой - и это право было очень хорошее въ немъ свойство, какъ вообще много хорошихъ свойствъ выступить въ немъ втеченіи моего правдиваго рассказа - любилъ больше заливыя народныя пѣсни, но съ удовольствіемъ слушалъ и эти, тогда весьма ходившія въ оборотѣ, романсы. Мать моя

также въ свои хорошія минуты до страсти любила музыку и пѣніе.

Все это было прекрасно, и хорошая нравственность молодыхъ людей и кротость ихъ, и ихъ пѣсни и ихъ невинныя, приличныя возрасту ихъ амурныя похождения, которыя отецъ, начинавшій уже жить въ этомъ отношеніи только воспоминаніями, выслушивалъ съ большимъ любопытствомъ приговаривая иногда свѣтское присловіе: «знай нашихъ Комышинскихъ», и которыя я, притаившись во тьмѣ какого нибудь уголка, подслушивалъ съ странной тревогой... Все это было прекрасно, повторяю - и, отецъ сберегая Сергѣя Иваныча отъ людей буйныхъ и удовлетворяя собственному вкусу къ мирнымъ нравамъ, имѣлъ безъ сомнѣнія въ виду и во мнѣ развить добрую нравственность, послушаніе старшимъ, необходимую житейскую уступчивость и другія добродѣтели...

Но есть въ безпредѣльной, вѣчно иронической и всевластной силѣ, называемой жизнію, нѣчто такое что

постоянно, злокозненно рушить всякія мирныя Аркадіи; есть неотразимо увлекающія головокружущія вихри, которыя вздымая волны на широкихъ моряхъ, подымають ихъ въ тоже время на рѣкахъ, рѣчкахъ, речонкахъ и даже ручейкахъ - не оставляють въ покоѣ даже болотной тины, - вихри мысли, взбудораживающіе самую сонную тишь, вихри поэзіи какъ водопадъ уносящія все за собою... Вихри мірового историческаго движенія наконецъ, оставляющіе за собою грозные памятники ломки или величавые слѣды славы.

Вотъ вѣдь во всемъ этомъ кружкѣ товарищей моего Сергѣя Иваныча были только собственно двѣ личности, которыя въ сурьезъ принимали жизнь и ея требованія. Одна изъ этихъ личностей глубокочестная, глубококосмиренная личность, которой впослѣдствіи я былъ обязанъ всѣми положительными свѣдѣніями - пошла нести крестъ служенія наукѣ съ упорствомъ любви, съ простотою вѣры. Другая, сколько я ее помню, тѣмъ

отнеслась сурьезно къ требованіямъ жизни, что наивно, искренно и беззавѣтно прожигала жизнь до буйства и безобразія, до азарта и цинизма... Всѣ другіе осуждены были явнымъ образомъ на то чтобы прокиснуть, медленно сливаясь или медленно погружаясь, въ тину всяческихъ благонравій.

Но какимъ образомъ и этотъ кружокъ посредственностей задѣвали жизненные вихри, какимъ образомъ вѣянія эпохи не только что касались ихъ, но нерѣдко и уносили за собою, конечно только умственно. Вѣдь дѣло въ томъ, что если оживлялась бесѣда, то не о выгодныхъ мѣстахъ и будущихъ карьерахъ говорилось... Говорилось, и говорилось съ азартомъ о самоучкѣ Полевомъ и его Телеграфѣ съ романтическими стремленіями: каждая новая строка Пушкина жадно ловилась въ безчисленныхъ альманахахъ той наивной эпохи: съ какой-то лихорадочностью произносилось имя «Лордъ Байронъ»... изъ усть въ уста переходили дикія и порывистыя

стихотворенія Полежаева... Когда произносилось это имя и - очень рѣдко конечно - нѣсколько другихъ еще болѣе отверженныхъ именъ, какой-то ужасъ овладѣвалъ кругомъ молодыхъ людей и вмѣстѣ что-то страшно соблазняющее, неодолимо влекущее было въ этомъ ужасѣ, а если въ торжественные дни именинъ, рожденій и иныхъ разрѣшеній «вина и еля» компанія доходила до нѣкотораго искусственно приподнятаго настройства... то неопредѣленное чувство суевѣрнаго и вмѣстѣ обаятельнаго страха, смѣнялось какою-то отчаянною наивною симпатіею - и къ тѣмъ рѣчамъ, которыхъ

Значенье

Темно иль ничтожно,

Но имъ безъ волненья

Внимать невозможно,

и къ тѣмъ людямъ, которые или «жгли жизнь» беззавѣтно или дерзостно ставили ее на карту... Слышались какія-то странныя, какія-то какъ будто и не свои рѣчи изъ устъ этихъ благодѣльныхъ молодыхъ людей...

Какимъ образомъ даже въ трезвыя минуты передавали они другъ другу рассказы объ ихъ, страшныхъ имъ товарищахъ, отдававшихъ голову и сердце до нравственнаго запоя Шелингизму, или всю жизнь свою бѣснованію страстей! Вѣдь всѣ они, благодѣльные молодые люди, знали очень хорошо, что отдача себя въ полное обладаніе силъ такого мышленія ни къ чему хорошему поведи не можетъ. Нѣкоторыя пытались даже нѣсколько юмористически отнестись къ философскому или жизненному бѣснованію - что дескать «умъ за разумъ у людей заходитъ» - и все-таки поддавались лихорадочно обаянію.

Не «Вѣстникъ Европы» а телеграфъ съ его неясными но живыми стремленіями жадно разрѣзывала эта молодежь... не профессоръ стараго закала слушала со вниманіемъ, а фанатически увлекалась, увлекалась до «Аутось Эфи» широтою литературныхъ взглядовъ Надеждина (тогда еще высказываемыхъ имъ только на лекціяхъ), фантастическимъ, но много сулившимъ міропостроеніемъ Павлова, въ

его физикъ и, такъ какъ эта молодежь, почти что вся, за исключеніемъ одного, будущаго труженика исторіи, была молодежь медицинская, увлекалась пѣніемъ своей сирены, Дядьковскаго... Это имя всякій день звучало у меня въ ушахъ; оно было окружено раболѣпнѣйшимъ уваженіемъ, и оно же было именемъ борьбы живой эловой науки съ старою рутиной... Не могу я, конечно, какъ не специалистъ, хорошо знать заслуги Дядьковскаго, но знаю то только, что далеко за обычный звонокъ простирались его бесѣды и что эти люди всѣ безъ исключенія заслушивались его «властнаго» слова, какъ въ послѣдствіи мы, люди послѣдующаго поколѣнія, тоже далеко за урочный звонокъ жадно приковывались глазами и слухомъ къ кафедрѣ, съ которой - немножко съ рѣзкими эффектами, немножко пожалуй съ шарлатанизмомъ звучало намъ слово, наслѣдованное отъ великаго берлинскаго учителя...

Какимъ образомъ, повторяю еще, людей которыхъ ждала въ будущемъ тина

мѣщанства или много-много что участь быть постоянными «пивогрызами», тогда всевластно увлекали вѣянія философіи и поэзіи, новыя, дерзкія стремленія науки, которая гордо строила цѣлый міръ однимъ трансцендентальнымъ мышленіемъ изъ одного всеохватывающаго принципа.

Соблазнъ, страшный соблазнъ носился въ воздухѣ звучавшемъ страстно сладкими строфами Пушкина. Соблазнъ рвался въ нашу жизнь вихрями юной французской словесности... Поколѣніе выросшее неискало точки покоя или опоры, а только соблазнялось тревожными ощущеніями. Поколѣніе подроствавшее, надышавшись отравленнымъ этими ощущеніями воздухомъ жадно хотѣло жизни, страстей, борьбы и страданій.

IV.

**НѢЧТО ВЕСЬМА СКАНДАЛЬНОЕ О
ВѢЯНІЯХЪ ВООБЩЕ.**

Если перенестись мысленно за какихънибудь тридцать съ небольшимъ лѣтъ назадъ, то даже человѣку, который самъ прожилъ эти тридцать лѣтъ, станетъ вдругъ какъ-то странно, точно онъ заѣхалъ въ сторону, гдѣ давнымъ давно уже не бывалъ и гдѣ все однако застыло въ томъ самомъ видѣ въ какомъ было оно имъ оставлено, - такъ что присматриваясь къ предметамъ, онъ постепенно съ большею и большею ясностію воспроизводитъ свои бывалыя впечатлѣнія отъ предметовъ, постепенно припоминаетъ ихъ вкусъ, цвѣтъ и запахъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и чувствуетъ очень хорошо, что это уже отшедшая жизнь поднимается передъ нимъ какимъ-то фантастически-дѣйствительнымъ маревомъ.

Но еще страннѣе должно быть отношеніе къ этой отжившей полосѣ жизни человѣка иного, позднѣйшаго поколѣнія, когда онъ видитъ передъ собою только мертвые печатные памятники ея, да и то конечно далеко не всѣ.... да можетъ быть и не тѣ даже, въ которыхъ та ожившая пора сказалась безъоглядно и

непосредственно, вышла передъ почтеннѣйшую публику не во фракъ и перчаткахъ, а по домашнему, какъ встала, правой или лѣвой ногой съ постели.

Еще не далѣе какъ вчера вечеромъ, о мой милый Гораціо Косица, бесѣдуя съ тобою послѣ концерта, гдѣ слышали мы 2-ю симфонію стараго мастера, который творя ее, еще не оглохъ для современной и предшествовавшей ему столовой камерной музыки, но уже горстями посѣялъ въ нее и свои глубокія думы и свои пантеистическія созерцанія жизни, пытаюсь разъяснить смыслъ этихъ очевидныхъ «схватокъ» чего-то глубоко серьезнаго и тяжолаго, звучащихъ неожиданными взвизгиваніями скрипокъ и виолончелей въ *allegro patetico*, доискиваясь или лучше дорываясь значенія замедленныхъ тактовъ въ финалѣ, тактовъ явно заклеяменныхъ какою-то мрачною и важною думою, тактовъ снова хоть не такъ уже опредѣленно-рѣзко возникающихъ въ послѣдующемъ развитіи музыкальной ткани: - еще вчера, говорю я, мы договорились съ тобою опять до тѣхъ

вѣяній, которыя такъ смѣшны нашимъ современнымъ мыслителямъ.

Смѣшны-то они имъ смѣшны, въ этомъ спору нѣтъ нималѣйшаго, равно какъ нѣтъ спору и о томъ, что умственная жеваннина, которой кормятъ они своихъ адептовъ несравненно доступнѣе, чѣмъ наши трансцендентальныя бредни, но тѣмъ не меньше (я вѣдь совершенно согласенъ съ началами, выражающимися въ твоёмъ послѣднемъ письмѣ) если трансцендентальныя мысли возникаютъ въ мозгу «выродившихся обезьянъ», которыхъ невѣжды, нечитавшіе Молешота и иныхъ мудрыхъ, обычно зовутъ людьми, то нельзя не послать ихъ къ «тѣмъ особамъ», съ которыми познакомилъ Фауста ключъ Мефистофеля, а если нельзя то мы съ тобою имѣемъ полное право дожить свой вѣкъ трансценденталистами. Да и то правду сказать, если бы мы съ тобою, устыдясь въ нѣкоторомъ родѣ своей несостоятельности передъ великими современными мыслителями, сказали которыйнибудь одинъ другому, какъ Фамусовъ Чацкому:

Ты завиральныя идеи эти брось,
то вѣроятно мгновенно расхохотались бы
какъ римскіе авгуры. Потому
трансцендентализмъ - въ своемъ родѣ
«зарубки Любима Торцова:» попадешь на
«эту зарубку не скоро соскочишь.»

Да и совсѣмъ даже не соскочишь. Есть у
меня пріятель, котораго и ты знаешь,
человѣкъ поколѣнія, такъ сказать средняго
между трансценденталистами и
нигилистами, совершенно
удовольствовавшійся отрывочными
психологическими куншиками Бенеке,
которые столь мало насъ съ тобою
интересуютъ. Онъ повѣдалъ какъ-то разъ
въ искренней бесѣдѣ одинъ свой
собственный психологическій опытъ, весьма
любопытный и даже назидательный. Онъ
принимался читать «систему
трансцендентальнаго идеализма»,
Шеллинга, съ рѣшимостью
«проштудировать» его основательно для
доставленія себѣ опредѣленныхъ понятій
объ этомъ, хотя и отжившемъ но все-таки
важномъ въ исторіи мышленія

философскомъ ученіи. Ну, какъ тебѣ извѣстно, отжившее ученіе сразу ошарашиваетъ человѣка по лбу извѣстнаго рода распутіемъ, потребностью - вывести или все мірозданіе изъ законовъ сознающаго я или сознающее я изъ общихъ законовъ мірозданія. Конечно, это въ сущности все равно, почему и является философія тождества, но распутіе на первый разъ огорошиваетъ какъ та стѣна, на которую жалуется напримѣръ послѣдній герой нашего друга Федора Достоевскаго... Усердно штудировалъ и пристально читалъ мой пріятель, съ тѣмъ же усердіемъ и пристальностью, съ какими одолѣвалъ онъ «психологическія скиццы» и другія умственныя мастурбаціи Бенеке. Началъ онъ ужь переваривать и тотъ процессъ, въ которомъ изъ нашего непосредственнаго, такъ сказать объективнаго, еще слитаго съ предметомъ познаванія, я, выдѣляется я сознающее, въ которомъ изъ этого сознающаго внѣшній предметъ я выдѣляется еще я, которое уже подымается вверхъ надъ сознающимъ внѣшніе предметы

я - и въ нѣкоторомъ родѣ судить это самое, сознающее внѣшніе предметы я, въ которомъ наконецъ... Но тутъ мой крайне осторожный, разсудительный и весьма непренебрегающій жизненнымъ комфортомъ пріятель схватился въ пору, догадался, что соприкоснулся сферѣ, въ которой начинается поворотъ головою внизъ, что изъ этого судящаго я, производящаго судъ и расправу, по какимъ либо признаннымъ правиламъ выдѣлится еще пожалуй послѣ многихъ выдѣленій уже такое я, которое никакихъ правилъ кромѣ тождества съ міровою жизнію знать не захочетъ, я трансцендентальное, весьма опасное и безнравственное.

И благоразумный пріятель мой закрылъ зловредную книгу и такимъ образомъ сохранилъ для отечества полезнаго члена, хорошаго отца семейства, изрѣдка только, въ видахъ необходимаго жизненнаго разнообразія, дозволяющаго себѣ нѣкоторые загулы, наконецъ дѣятеля въ литературной области, который, какъ «дьякъ въ приказѣ посѣдѣлый» можетъ

**Спокойно зрѣть на правыхъ и
виновныхъ**

не увлекаясь и не впадая въ промахи въ своихъ сужденіяхъ, - чѣмъ всѣмъ мы никогда не будемъ съ тобою, о мой Гораціо!

Въ самомъ дѣлѣ, что это за страстность такая развита въ насъ съ тобою, что за неправильная жила бьется въ насъ, людяхъ «трансцендентальной» закваски, что намъ ужасно скучно читать весьма яснаго и методомъ естественныхъ наукъ идущаго Бенеке не скучно ломать голову надъ Феноменологіей Духа. Да не то, что скучно Бенеке читать, а просто невѣроятныхъ усилій стоило; - если не тебѣ, писавшему магистерскую диссертацию о какихъ-то никому, кромѣ микроскопа невѣдомыхъ костяхъ инфузорій или о чемъ-то столь же неподобномъ, - а вѣдь наглый гуманистъ и самъ знаю, что ужасныя невѣжества луплю; если не тебѣ говорю я, то мнѣ невѣроятныхъ усилій стоило ловить за хвосты идеи Бенеке на примѣръ, - да и тутъ оказывалось, что ловлей я занимаюсь совсѣмъ понапрасну, что по мнѣнію моего

Бенекіанца совсѣмъ я не тѣмъ чѣмъ слѣдуетъ занимаюсь, что общаго хвоста, изъ котораго бы пошли какъ изъ центра эти маленькіе хвостики какъ живыя змѣйки, я искать совсѣмъ не долженъ, потому дескать и зачѣмъ онъ? - всеохватывающіе дескать принципы оказались совсѣмъ не состоятельными.

Да позволено будетъ мнѣ въ этой совершенно скандальной и неприличной эксцентрической главѣ - перескакивать какъ я хочу черезъ время и пространство, предупреждать первое и совершенно забывать о существованіи втораго...

Вотъ мнѣ на память пришло то время, когда внявъ совѣтамъ моего благоразумнаго друга, я со рвеніемъ достойнымъ лучшей участи принялся «штудировать» психологическіе скиццы. Не потому я принялся ихъ со рвеніемъ «штудировать», чтобы особенно подѣйствовалъ на меня другъ мой своими бесѣдами. Другъ мой точно очень краснорѣчиво толковалъ о паралелизмѣ психическихъ и соматическихъ явленій, о заложеніяхъ и

душевныхъ образованіяхъ: другъ мой даже съ прекрасными и очень умными дамами вель эти бесѣды - и конечно не безъ успѣха, хотя къ сожалѣнію сей успѣхъ былъ вовсе не научный, - ибо прекрасныя и умныя дамы слушая его смотрѣли болѣе на его тогда чрезвычайно яркіе голубые глаза и отъ логическаго краснорѣчія его дѣлали совсѣмъ нелогическую посылку къ другимъ, такъ сказать, болѣе низменнымъ свойствамъ его натуры, но дамы вообще ужъ всѣ таковы и отъ такихъ посылокъ едва ли избавить ихъ даже стрижка косъ и разсужденія о женскомъ трудѣ... Меня-то не краснорѣчіе друга моего увлекало - и даже не самъ онъ, а - опять таки то «вѣяніе», котораго онъ въ ту пору былъ однимъ изъ энергическихъ представителей.

Это было въ эпоху начала пятидесятихъ годовъ, въ пору начала второй и самой настоящей моей молодости, въ пору возстановленія въ душѣ новой или лучше сказать обновленной вѣры въ грунтъ, почву, народъ, въ пору возсозданія въ умѣ и сердцѣ всего непосредственнаго, что

только повидимому похерели въ нихъ рефлексія и наука, въ пору надеждъ, зеленыхъ какъ цвѣтъ обертки нашего милаго Москвитянина 1851 года... Я оживаль душою... я вѣрилъ... я всѣми отправлениями рвался на встрѣчу къ тѣмъ великимъ откровеніямъ, которыя сверкали въ начинавшейся дѣятельности Островскаго, къ тѣмъ свѣжимъ ключамъ, которые были въ «Тюфякъ» и другихъ вещахъ Писемскаго, да въ яркоталантливыхъ и симпатическихъ наброскахъ покойнаго И. Т. Кокорева; - передо мной какъ будто изъ подъ сосуда возникаль міръ преданій, отринутыхъ только логически рефлексією; со мной заговорили вновь и заговорили внятно, ласково и старья стѣны стараго Кремля и безыскусственно-высоко-художественныя страницы старыхъ лѣтописей; меня какъ что-то растительное сталь опять обвѣвать какъ въ года дѣтства органической міръ народной поэзіи. Одиночествомъ я перерождался, - я, жившій нѣсколько лѣтъ какою-то чужою жизнію, переживавшій

чьи-то, но во всякомъ случаѣ не свои, страсти - начиналъ на днѣ собственной души доискиваться собственной самости.

Вѣяніе новой поры влекло меня съ неодолимою силою. Есть для меня что-то наивное до смѣшного и вмѣстѣ до трогательнаго въ той фанатической вѣрѣ, съ которой я рвался впередъ, какъ всѣ мы, все-таки рвался впередъ, хоть и думали мы - что возвращаемся назадъ... Такой вѣры больше ужъ не нажить, и хоть глупо жалѣть объ этомъ, а жаль, что не нажить! Хорошо было это все, какъ утренняя заря, какъ блестящая пыль на лепесткахъ цвѣтовъ...

Фанатикъ до сеидства я готовъ былъ каяться, какъ въ грѣхѣ какомъ-нибудь въ своемъ трансцендентальномъ процесѣ, отъ него, доставшагося душѣ не дешево, способенъ былъ отрицаться какъ «отъ сатаны и отъ всѣхъ дѣлъ его...» Но увы! двѣ вещи оказались скоро очень явными: первое дѣло, что разъ дойдя до того пункта, на которомъ по соображенію моего пріятеля натура поворачивается вверхъ-

тормажкой, - остается повторять съ
поэтомъ:

Per me si va nell'eterno dolore,
Lasciate ogni speranza voi ch'entrate!

а второе дѣло, что психологическія мастурбаціи Бенеке столь же мало шли къ новому вѣянію жизни, какъ «къ коровѣ сѣдло...» Бенеке попалъ въ «кружокъ» совсѣмъ случайно, и если представителей кружка, петербургскіе критики стали скоро упрекать въ «заложеніяхъ», то совсѣмъ не въ тѣхъ, какія разумѣются въ «психологическихъ скицахъ и другихъ сочиненіяхъ учонаго психолога, (философомъ-то назвать его какъ-то языкъ не поворачивается).

Но съ какимъ «въ нѣкоторомъ родѣ торжественнымъ шикомъ», приступалъ ко мнѣ мой другъ, вручая мнѣ книжку «Скиць.» Во-первыхъ, онъ - какъ теперь помню, допрашивалъ меня: занимался ли я надъ собою и надъ другими - психологическими наблюденіями?.. Ну,

жизни хоть и гальванической пережито было не мало: рыться въ собственной душѣ и въ душѣ другихъ двуногихъ безъ перьевъ, особенно женскаго пола, тоже случалось не мало, но не такого рода психологическую работу и психологическія наблюденія разумѣль мой пріятель: гальванически пережитую жизнь онъ называль весьма правильно напускною и часто, какъ человекъ, ксчастію мало «тронутый» относился къ ней юмористически, и мои психологическія наблюденія надъ прекрасною половиною двуногаго рода, онъ, по добродѣтели своей, не переваривая моихъ софистическихъ и собственно къ практическимъ цѣлямъ направленныхъ бесѣдъ съ женщинами, называль гусарскимъ къ нимъ «отношеніемъ, возведеннымъ только въ перль созданія и тонкость чувствованій... Поэтому я долго не понималъ какихъ онъ отъ меня изслѣдованій психологическихъ добивается. Во всякомъ случаѣ я за Бенеке принялся съ ожесточеннымъ упорствомъ и даже слѣпо подчинялся своему руководителю.

Лербуха, т. е. системы, онъ мнѣ въ руки не далъ, подозрѣвая во мнѣ не безъ основанія охоту къ ловлѣ абсолютнаго хвоста, а отчасти боясь чтобы въ лербухѣ я не схватилъ скоро на лету, и стало быть, поверхностно, разныхъ хвостиковъ.

Потому, хоть съ извѣстнаго пункта трансцендентализма и поворотилъ назадъ оглобли мой пріятель, но вѣдь онъ какъ недюжинно умный человекъ понялъ вполне ярыжно-глубокую и вмѣстѣ глубоко-ярыжную мысль великаго учителя въ «Феноменологіи Духа», что въ дѣлѣ мысли важенъ только процессъ, и что результатъ есть только безжизненный трупъ, покинутый живой душой - тенденціей.

И сижу я это бывало тогда по цѣлымъ вечерамъ зимнимъ надъ «психиологическими очерками» нѣмецкаго хера профессора, и мучу я свой бѣдный мозгъ не надъ тѣмъ, чтобы понять читаемое, ибо такъ себѣ, безотносительно взятое, оно все, это читаемое-то, очень просто, но надъ тѣмъ, чтобы вниманіе приковывать къ этому

читаемому... А за стѣной, вдругъ какъ на смѣхъ

Двѣ гитары зазвенѣвъ

Жалобно заныли

и мятежная дрожь венгерки бѣжить по ихъ струнамъ, или шелестъ дѣвственно-легкихъ шаговъ раздается надъ потолкомъ, и образы встаютъ вслѣдъ за звуками и шелестомъ и жадно начинаетъ душа просить жизни, жизни и все жизни... Такъ просидѣлъ я нѣсколько вечеровъ, да и возвратилъ другу книгу съ наивнѣйшимъ сознаниемъ, что никакъ не могу я заставить себя ею заинтересоваться. Видитъ онъ, что ничего со мной, погибшимъ человѣкомъ, не подѣлаешь... купилъ и подарилъ мнѣ лербухъ. Лербухъ я весьма скоро прочолъ, механику эту всю, значить, усвоилъ и пошолъ себѣ какъ слѣдуетъ разсуждать о новой системѣ достаточно ясно, хотя и поверхностно... Съ меня и будетъ! думалъ я, потомучто абсолютный хвостъ въ ней ловить запрещается ея адептами. А чортъ ли мнѣ въ ней, коли я въ ней этого-то самага хвоста и не словлю.

Отчего жь это бывало въ пору ранней молодости и нетронутой свѣжести всѣхъ физическихъ силъ и стремленій въ какое нибудь яркое и дразнящее и зовущее весеннее утро, подъ звонъ московскихъ колоколовъ на святой - сидишь весь углубленный въ чтеніе того или другого изъ безумныхъ искателей и показывателей абсолютнаго хвоста... сидишь и голова пылаетъ и сердце бьется - не отъ вторгающихся въ раскрытое окно съ ванильно-наркотическимъ воздухомъ призывовъ весны и жизни... а отъ тѣхъ громадныхъ міровъ, связанныхъ цѣлостью, которые строить органическая мысль, или тяжело мучительно роешься въ возникшихъ сомнѣніяхъ, способныхъ разбить все зданіе старыхъ душевныхъ и нравственныхъ вѣрованій... и физически болѣешь, худѣешь, желтѣешь отъ этого процесса... О! Эти муки и боли души - какъ онѣ были отравительно сладки! О! эти безсонныя ночи, въ которыя съ рыданіемъ падалось на колѣна съ жаждою молиться и мгновенно же анализомъ подрывалась способность къ

молитвѣ - ночи умственныхъ бѣснованій
вплоть до разсвѣта и звона заутрень - о,
какъ онѣ высоко подымали душевный
строй!..

И приходитъ мнѣ еще въ память какъ въ
концѣ 1856 года, мнѣ, лежавшему больнымъ
на постели, - уже пережившему и вторую
молодость, разбитому и морально и
физически - одинъ изъ добрыхъ старыхъ
могикановъ, знаменитый донъ Базилио
Педро, прислалъ въ утѣшеніе только что
вышедшій вступительный томъ въ
философію миѳологіи Шеллинга. Пріѣхать
благородный Донъ побоялся потому, что я
былъ боленъ запоздавшей оспой, но книгу
прислалъ съ запиской и въ запискѣ между
прочимъ упоминалъ, что онѣ уже нюхалъ и
что хорошо какъ-то пахнетъ?.. И впился я
больными, слабыми глазами въ таинственно
и хорошо пахнущую книгу - и опять всего
меня потащило за собою могучее вѣяніе
мысли - и силою покойный отецъ, ходившій
за мною какъ нянька, долженъ былъ
отнимать у меня эту «лихую пагубу.»

И въ саду итальянской виллы подлѣ Tomba tusca сидѣлъ я по цѣлымъ часамъ надъ этой «лихой пагубой» и ея послѣдующими томами - и опять голова пылала и сердце билось какъ во дни студенчества - и ни запахъ розъ и лимоновъ, ни боязнь тарантуловъ, на счетъ мѣстожителства которыхъ въ Этрусской гробницѣ предварялъ меня весьма положительный англичанинъ Белль, гувернеръ моего ученика, князя Т. - ничто не могло развлечь меня.

Трансцендентальное вѣяніе, *sub alia forma* вновь охватило и увлекло меня.

V.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРЕМЛЕНИЯ НАЧАЛА ТРИДЦАТЫХЪ ГОДОВ.

Не «скандала единого ради» конечно написалъ я предшествующую главу, хотя она по собственному моему сознанию и вышла крайне скандальна.

Мнѣ хотѣлось сколько нибудь наглядно «въ утѣшеніе современникамъ и назиданіе потомкамъ», изобразить въ общихъ чертахъ силу и вліяніе трансцендентализма на людей моего поколѣнія, чтобы нѣсколько пояснить его силу же и вліяніе на поколѣніе намъ предшествовавшее.

Мнѣ хотѣлось вмѣстѣ съ тѣмъ сколько возможно искренне изложить свои вѣрованія въ отношеніи къ тому, что я привыкъ называть вѣянiями жизни, изложить прямо и смѣло пожалуй на потѣху и глумленіе нашихъ позитивистовъ или нигилистовъ...

Да! исторически живемъ не «мы какъ индивидуумы, но живутъ вѣянiя», которыхъ мы, индивидуумы, являемся болѣе или менѣе значительными представителями... Отсюда яркій до очевидности паралелизмъ событій въ различныхъ сферахъ міровой жизни - странныя, таинственныя совпаденія созданія Донъ Кихота и Гамлета, революціонныхъ стремленій и творчества Бетховена и проч. и проч. Отсюда солидарность извѣстныхъ идей, міровая

преемственная связь ихъ и мало ли что
отсюда такого, другъ Гораціо,

О чемъ не смѣетъ грезить ваша
мудрость.

и что она отвергаетъ только потому что не
наловила достаточно хвостиковъ и по нимъ
не добралась до общаго хвоста...

Сила въ томъ, что трансцендентализмъ
былъ силой, былъ вѣяніемъ уносившимъ за
собою все, что только способно было
мыслить во дни оны. Все то что только
способно было чувствовать, уносило другое
вѣяніе, которое за недостаткомъ другого
слова надобно назвать романтизмомъ. Въ
сущности то и другое - трансцендентализмъ
и романтизмъ - были двѣ стороны одного и
того же. Объ этомъ, впрочемъ, разсуждалъ
и писалъ я такъ много, что еслибы
принялся разсуждать еще разъ, то
неминуемо долженъ былъ бы впасть въ
повтореніе.

Потому для того, чтобы уяснить моимъ
читателямъ сущность романтическаго
вѣянія я избираю путь повѣствованія,
вмѣсто пути разсужденія.

Перенесемтесь въ конецъ двадцатыхъ и въ начало тридцатыхъ годовъ. На сценѣ передъ нами, во первыхъ великая и вполнѣ уже почти очерченная фізіономія перваго цѣльнаго выразителя нашей сущности, Пушкина. Онъ дозрѣлъ уже до «Полтавы» - въ его портфель уже лежитъ, какъ онъ (по преданіямъ) говорилъ, «сто тысячъ и безсмертіе, т. е. комедія о Борисѣ Годуновѣ и Гришкѣ Отрепьевѣ», но еще чисто романтическимъ ореоломъ озаренъ его ликъ, еще Байрона видитъ въ немъ молодежь, еще онъ не улыбался добродушною и вмѣстѣ саркастическою улыбкою Ивана Петровича Бѣлкина, «не повѣствовалъ съ карамзинской торжественностью» и вмѣстѣ съ необычайно мѣткимъ тактомъ дѣйствительности объ историческихъ судьбахъ обитателей села Горохина, не вглядывался глубоко симпатично въ жизнь какого нибудь станціоннаго зрителя. Онъ, идолъ молодого поколѣнія, но въ сущности молодое поколѣніе видитъ его не такимъ каковъ онъ на самомъ дѣлѣ, ждетъ

отъ него не того что онъ самъ дать намѣренъ. Еслибъ оно обладало даромъ предвѣдѣнія, это тогдашнее молодое поколѣніе, оно съ ужасомъ отступило бы отъ своего идола. Оно прощаетъ ему комическій разсказъ о графѣ Нулинѣ, даже готово въ этомъ первомъ простомъ изображеніи нашей дѣйствительности видѣть романтическое, но оно не проститъ ему повѣстей Бѣлкина...

У тогдашняго молодого поколѣнія есть предводитель, есть живой органъ, на лету подхватывающій жадно все что носится въ воздухѣ, даровитый до геніальности самоучка, легко усвояющій, ясно и страстно передающій всѣ вѣянія жизни, увлекающійся самъ и увлекающій за собою другихъ... «купчишка Полевой», какъ съ пѣной у рта зовутъ его съ одной стороны безсильные старцы, а съ другой литературные аристократы.

Потому есть и тѣ и другіе. Еще здравствуютъ и даже издаютъ свои журналы и поколѣніе, воспитавшееся на выпреннихъ одахъ - старцы въ котурнахъ,

и поколѣніе пропитанное насквозь Бѣдной Лизой Карамзина, старцы «въ бланжевыхъ чулочкахъ» которые послѣ бѣдной Лизы переварили только развѣ «Людмилу» Жуковскаго и, какъ предсѣдатель палаты въ «мертвыхъ душахъ», читають ее съ зажмуренными глазами и съ особеннымъ удареніемъ на словѣ: чу! У нихъ не только купчишка Полевой, но даже профессоръ Мерзляковъ считается, по крайней мѣрѣ у первыхъ, еретикомъ за критическія разборы Сумарокова, Хераскова и Озерова... Для нихъ опять-таки, въ особенности для первыхъ, нѣтъ иной литературы кромѣ литературы «выдуманныхъ сочиненій», между ними самими, т. е. между дрянными котурнами и полинявшими бланжевыми чулками идетъ смертельная война за Карамзина, предмета ужаса для учениковъ и послѣдователей автора книги «о старомъ и новомъ слогѣ,» кумира для бланжевыхъ чулковъ, доходящихъ въ лицѣ Иванчина Писарева до идолопоклонства самаго омерзительнаго.

Есть и аристократы литературные, группирующіеся около Жуковского и Пушкина. Они образованы какъ европейцы, лѣнны какъ русскіе баричи, щепетильно опрятны въ литературныхъ вкусахъ какъ какая нибудь англійская мисъ, что не мѣшаетъ имъ впрочемъ писать стихи большею частію соблазнительнаго содержанія и знать наизусть «опаснаго сосѣда» В. Л. Пушкина... Есть наконецъ еще кружокъ враговъ Полеваго, кружокъ, образовавшійся изъ молодыхъ учоныхъ, какъ Погодинъ и Шевыревъ, изъ выдѣлившихся по серьезности закваски аристократовъ, какъ Хомяковъ тогда еще только поэтъ и Кирѣевскій. Эта немногочисленная кучка выступившая на поприще дѣятельности блистательною статьею И. В. Кирѣевскаго въ альманахѣ «Денница» и сосредоточившаяся въ «Московскомъ Вѣстникѣ», тяготея по преимуществу къ Пушкину и отчасти къ Жуковскому, связана съ кругомъ аристократовъ литературныхъ, но находится въ самыхъ неопредѣленныхъ

отношеніяхъ къ старцамъ-котурнамъ, и старцамъ бланжевымъ чулкамъ: почтеніе къ преданіямъ связываетъ ее съ ними, культъ Пушкина разъединяетъ. Но за то въ одномъ она съ ними вполне сходится - во враждѣ къ Полевому. Аристократы литературные и самъ Пушкинъ держатся въ сторонѣ отъ этой борьбы. Даже стихотворенія Пушкина и его друзей появляются временами въ плебейскомъ Телеграфѣ, но старцы и уединенный кружокъ свирѣпствуютъ.

Нельзя было бы ничего неприличнѣе съ нашей теперешней точки зрѣнія вообразить себѣ той статьи, которой разразился противъ «Исторіи Русскаго народа» редакторъ Московскаго Вѣстника, еслибы еще неприличнѣе не были статьи противъ нее въ старческомъ Вѣстникѣ Европы.

Повторяю, что съ нашей теперешней точки зрѣнія всѣ эти вражды и бѣснованія литературныя - дѣло непонятное. Еще непонятнѣе оно будетъ съ знаніемъ личностей дѣятелей... Авторъ «Исторіи Русскаго народа» былъ Полевой, -

редакторъ Московскаго Вѣстника -
Погодинъ.

Шашки представляются вовсе не въ нормальномъ порядкѣ лѣтъ за тридцать назадъ. Изъ за него враждовалось до пѣны у рту?.. Купецъ Полевой, отзывчивый на всѣ вѣянiя современной ему жизни, былъ однако вовсе не западникъ, а вполнѣ и въ высшей степени русскiй человекъ и менѣе всего отрицатель идей народности. Съ другой стороны Погодинъ былъ всегда демократъ до конца ногтей - и что было дѣлать ему съ другимъ демократомъ Полевымъ?

Да, вотъ такъ это намъ теперь кажется что нечего было дѣлать. Въ теченiе тридцати лѣтъ шашки нѣсколько разъ смѣшивались и перемѣняли мѣста, и много перестановокъ тутъ было для установки сколько нибудь правильныхъ ихъ взаимныхъ отношенiй.

Теперь намъ легко произносить судъ надъ тѣмъ или другимъ дѣятелемъ, равно легко и смѣяться надъ посвященiемъ «Исторiи Русскаго народа» Нибуру,

который конечно не могъ ее прочесть, и смѣяться съ другой стороны надъ культомъ, который совершаемъ былъ Карамзину его послѣдователями, людьми жизненно, сердечно и душевно пережившими «вѣяніе» Карамзинской эпохи и слѣдъ этого вѣянія сохранившими на себѣ многіе десятки лѣтъ: такъ значить оно было сильно...

Вѣдь и Полевой, не смотря на свою послѣдующую, несчастную и обстоятельствами вынужденную драматическую дѣятельность, и Погодинъ, не смотря на увлеченія его страстной и неразборчивой на счетъ средствъ выраженія природы, - борцы честнаго, высокаго дѣла, борцы, которымъ много простится ибо «они много любили...» Ни тотъ ни другой не были виноваты въ томъ, что захваченные разными «вѣяніями» они враждебно стояли другъ противъ друга, равно какъ не виноваты были въ томъ же въ послѣдствіи славянофильство и Бѣлинскій.

Но за тридцать лѣтъ назадъ факты были таковы, что купецъ былъ представителемъ

современныхъ, такъ сказать животрепещущихъ интересовъ жизни или, коли хотите лучше, тогдашняго марева жизни, и что враги его казались тогда большей части молодого поколѣнія людьми отсталыми. Что за дѣло, что передовой скоро «сбрендилъ» до непониманія высшей сферы Пушкинскаго развитія и что отсталые шли неуклонно впередъ и выродились наконецъ въ явноторжествующее во множествѣ пунктовъ славянофильство... Факты, повторяю я, представляются за тридцать лѣтъ въ вышеизложенномъ положеніи и такое ихъ положеніе мы должны взять за исходный пунктъ, если хотимъ какъ слѣдуетъ понять ту бывалую пору.

Да вотъ! Я не даромъ на примѣръ упомянулъ о такихъ памятникахъ извѣстныхъ литературныхъ эпохъ, въ которыхъ онѣ т. е. эпохи-то, являются передъ наблюдателемъ на распашку какъ съ постели встали.

Въ Телеграфѣ 30-го года, именно въ томѣ 35-мъ (я нарочно свѣрился въ

публичной библиотекъ, только забылъ записать страницу), вы просматривая отдѣлъ смѣси, встрѣтитесь съ статьями о театрѣ подписанными буквами В. У. и сами натолкнетесь невольно на большую сравнительно съ другими статьями статью - о Мольеровскомъ «Скупомъ» въ русскомъ переводѣ и въ русской сценической обстановкѣ... Если вы не будете читать между строками, вы ничего не поймете въ этой бойко, умно и съ ужаснымъ азартомъ написанной статьѣ. Продергивается въ ней и притомъ совершенно нещадно - до цинизма современныхъ намъ «абличительныхъ» изданій, - какой-то баринъ членъ всѣхъ возможныхъ клубовъ, неизмѣнный партнеръ вистовъ и бостоновъ, имѣющій знакомство въ кругу литературной и литературно-официальной знати, а между прочимъ, изъ дилетантизма и отъ нечего дѣлать удостоивающійся заниматься театромъ и литературной вообще и даже весьма исполненный претензій въ этомъ дѣлѣ, придающій себѣ и своимъ занятіямъ немалое значеніе. За тѣмъ разбирается

переводъ мольеровскаго «Скупого» до придирчивости бранно и до брани придирчиво. И для непосвященнаго въ литературныя мистеріи той поры, очевидны два факта: 1) что «продергиваемый» баринъ и есть именно самый-то переводчикъ «Скупого» и 2) что азартно-жолчная, кровавая статья - результатъ долгой, упорной, и глухой и явной борьбы между партіями.

Чтобы разомъ показать вамъ въ чемъ дѣло, въ чемъ суть статьи, а только назову вамъ имена автора азартной статьи и переводчика «Скупого» - да отошлю васъ за справкою къ одной весьма легко приобретаемой книгѣ.

Переводчикъ Мольеровскаго «скупого» С. Т. Аксаковъ. Фельетонистъ Телеграфа - В. А. Ушаковъ. Книга, къ которой я отсылаю васъ - Собрание разныхъ театральныхъ и литературныхъ воспоминаній Аксакова.

И Сергѣя Тимоѳеевича Аксакова и его книги вообще - вы вѣроятно знаете, если вы только не ограничили свои чтенія

известными пятью умными книжками, да и в этом случае вы все-таки о них хоть слышали. Но Василья Аполоновича Ушакова, написавшего одну только замечательную, да и то в ту пору «замечательную вещь, повестушку: «Киргизь Кайсакъ» вы, если вы пятикнижникъ, совсѣмъ не знаете да и пожалуй погордитесь сейчас же такимъ незнаніемъ: если же вы - ни рыба ни мясо т. е. ни мы, люди бывалой поры, ни люди новѣйшаго пятикнижія, то имя это припоминаете смутно вмѣсто съ сѣрвато грязноватой оберткой какого либо учебника російской словесности время минувшихъ - ну хоть милаго учебника г. Георгіевскаго что ли, восторгающагося равно и «Борисомъ» Пушкина и «Тассомъ» г. Кукольника - учебника чрезвычайно назидательнаго, какъ фактъ побѣды совершенной понятіями романтической эпохи тридцатыхъ годовъ, учебника, который совмѣстилъ изумительно и самыя застарѣлыя основы эстетическихъ ученій «Симандры» и критическіе взгляды

Полеваго - и даже подчасъ цѣликомъ вносишь на свои страницы свистъ Сеньковскаго - Брамбеуса...

И потому я прежде всего обязанъ сказать вамъ, что Василій Аполоновичъ Ушаковъ, кромѣ того, что написалъ надѣлавшаго въ свое время не мало шуму «Киргизъ-Кайсака», писалъ постоянно театральные фельетоны въ Телеграфъ, еще больше чѣмъ «Киргизъ» дѣлавшіе шумъ въ литературномъ кружкѣ, - былъ человекъ чрезвычайно многосторонне-образованный и остроумный...

И вотъ, право не знаю какъ мнѣ лучше взяться - чтобы показать вамъ весьма странныя позиціи шашекъ на тогдашнихъ квадратикахъ литературной арены. Всего лучше - ex abrupto показать вамъ конечныя, послѣдующія позиціи ихъ.

Василій Аполоновичъ Ушаковъ написалъ впослѣдствіи «Кота Бурмосеко», вещь далеко болѣе бездарную чѣмъ издѣлія Федота Кузмичева, Сигова и иныхъ промышленниковъ московскаго толкучаго рынка. Да кромѣ того онъ въ Библиотекѣ

для чтенія - уже въ ту пору ея упадка когда Надеждинъ въ Телескопъ и Шевыревъ въ Наблюдателъ разбили мгновенный кумиръ петербургской молодежи - Брамбеуса, - написалъ вещь весьма гнусную подъ названіемъ «Висяша», нѣчто въ родѣ бездарнаго и совершенно безтолковаго доноса на безнравственность эстетическихъ ученій, которыхъ пламенную проповѣдь только что начиналъ въ Молвѣ, подъ названіемъ «Литературныхъ мечтаній» - великій борецъ, Висаріонъ Бѣлинскій.

Сергѣй Тимофеевичъ Аксаковъ кончалъ свое поприще - авось либо вы хотя это знаете, - высокой эпопеей о Степанѣ Багровѣ, Записками объ охотѣ, уженьи, дѣтскихъ годахъ, въ которыхъ во всѣхъ являлся великимъ и простымъ поэтомъ природы и умирающею рукою писалъ гимнъ освобожденія отъ вѣкового крѣпостного рабства - великаго народа любимаго имъ всѣми силами его широкой святой и простой души.

А между тѣмъ, онъ-то, дорогой намъ всѣмъ при жизни и благоговѣнно чтимый по

смерти старецъ - и продергивается въ азартной статьѣ Василья Аполоновича Ушакова.

И сдѣлайте вы божескую милость, не торопитесь вы, люди вчерашняго и люди нынѣшняго дня произносить осужденіе насъ Васильемъ Аполоновичемъ Ушаковымъ - и главное не подумайте вы пожалуйста, чтобы изъ личной вражды къ Сергѣю Тимофеевичу Аксакову или изъ литературной зависти писалъ онъ эту азартную статью, - а прочтите съ одной стороны Литературныя воспоминанія Аксакова да припомните хоть даже въ общихъ чертахъ, по учебнику, дѣятельность купца Николая Полеваго, значеніе Московскаго Телеграфа и тому подобное.

Вѣдь поражающею пустотою содержанія жизни вѣтъ отъ Литературныхъ воспоминаній С. Т. Аксакова - и вѣтъ именно потому, что эта книга и глубокоискренняя какъ все что ни писалъ онъ искренно-талантливая, переносящая васъ совсѣмъ въ тотъ міръ, который она

изображаетъ... Что за мелкіе интересы съ огромными претензіями на литературное аристократство! думаете вы да и я, человѣкъ той поры, думаю за одно съ вами читая о время ли препровожденіяхъ князя Шаховскаго, Загоскина, самого Аксакова, Писарева, Какошкина въ подмосковной этого послѣдняго, тогда директора московскаго театра, о литературно ли театральныхъ стремленіяхъ тогдашнихъ всѣхъ этихъ весьма достойныхъ уваженія людей! Огромное мѣсто напримѣръ въ воспоминаніяхъ С. Т. Аксакова занимаетъ покойный водевильскій Писаревъ. Можетъ быть онъ и былъ талантливый человѣкъ по натурѣ, да вѣдь талантъ-то свой употреблялъ онъ ровно на такой же вздоръ, на какой въ наши дни употребляютъ свою бездарность гг. Родиславскіе, Дьяченки, авторы водевилей съ переодѣваніемъ. Можетъ быть, и даже не можетъ быть а навѣрно, ибо мы нравственно обязаны вѣрить всегда честному повѣствователю, - это была натура раздражительно страстная и тонкая и страстность рано скосила ее; да

вѣдь вы посмотрите однако на что эта страстность пошла! Человѣкъ жизнь и душу полагаетъ въ театральныя кулисы, не въ искусство драматическое, а просто на просто въ кулисы. Не въ томъ бѣда, что онъ отъ хорошенькой дуры съ ума сойдетъ и что она вгоняетъ его въ чахотку, - этакой грѣхъ со всякимъ порядочнымъ человѣкомъ случиться можетъ, а то что онъ тлетворнымъ воздухомъ театральныхъ кулисъ пропитался насквозь, какъ развѣ только г. Родиславскій или иные дѣятели драматургіи россійской пропитываться могутъ; что онъ мишуру театральныхъ облаченій какъ самую мишуру, бѣлила и румяна, какъ бѣлила и румяны *an sich* любить. Та бѣда, что раздражается-то онъ, нервно раздражительный человѣкъ, преимущественно за актеровъ или за свои пошлыя издѣлія, что громить-то онъ своими остроумными куплетами популярнаго журналиста - купчишку съ совершенно мелочными взглядами на жизнь и дѣло искусства - съ самыхъ низменныхъ точекъ.

Припомните вы, что въ это время популярный купчишка-публицистъ, еще не авторъ комедіи о войнѣ Ѳедосьи Сидоровны съ китайцами, Параши Сибирячки, Ермака и прочаго, а жадный и смѣлый ловець всѣхъ новыхъ вѣяній жизни, зоркій сторожь прогреса, громитель всяческой рутины, уже авторъ разсказа «Симеонъ Кирдяна» этого смѣлаго по тому времени протеста за удѣльныхъ и удѣльщину еще съ большей энергіею выражающагося скоро послѣ, въ романѣ «Клятва при гробѣ Господнемъ», авторъ «исторіи русскаго народа» которая ужь тамъ что хотите говорите, имѣеть важное даже и положительное во многихъ отношеніяхъ значеніе. Объ отрицательномъ я ужь и говорить не считаю нужнымъ: она была началомъ историческихъ отрыжекъ мѣстностей, національностей толковъ, поправныхъ Карамзинымъ во славу его абсолютной государственной идеи. Я нарочно беру эти стороны дѣятельности Полеваго, чтобы показать, что вѣдь это не западникъ былъ, а народный человекъ,

знавшій народъ не менѣе Погодина, и значительно больше чѣмъ знали его, не говорю уже князь Шаховскій или Писаревъ съ Какошкинымъ, но Загоскинъ и можетъ быть въ ту пору самъ Аксаковъ. Въдъ года черезъ три потомъ напримѣръ является Двумужница, аки бы народная драма князя Шаховскаго, и популярный купчишка мѣткой, злой и талантливѣйшей пародіей (которую вы можете прочесть тоже въ нерѣдкой книжкѣ, въ его «очеркахъ» литературы) разбиваетъ въ прахъ ея Дюкре-Дюменилевскую народность, разбиваетъ безжалостно не обращая вниманія на то, что она, эта драма, впервые, хоть и лубочнымъ способомъ, затронула живыя до того не тронутыя никѣмъ стороны народной жизни, разбиваетъ во имя идеала, во имя той же самой, только не сравненно шире понимаемой имъ народности. Въдъ еще нѣсколько лѣтъ и этотъ чуткій публицистъ смѣло возстаетъ на «Руку Всевышняго», во имя того же своего идеала.

Я вамъ говорю, что Полевой вовсе не западникъ и оттого-то пониманіе позиціи шашекъ становится еще запутаннѣе. Какой это западникъ, который дорожить, какъ святынею всякою старою грамотою, всякою пѣснью народа, печатая ихъ въ своемъ Телеграфѣ, который въ одномъ изъ фельетоновъ своего журнала показываетъ напримѣръ Москву заѣзжому пріятелю съ фанатической любовью, съ полнымъ историческимъ знаніемъ?

А ужь о дѣятельности его какъ ловца всѣхъ новыхъ вѣяній жизни и говорить нечего... Статьи о Гете, о Байронѣ и другихъ корифеяхъ современной тогдашней литературы, ознакомленіе читателей съ судьбами литературъ романскихъ, культъ Шекспиру, Данту и прочее... переводы Гофмана, разборы всего новаго въ юной французской словесности, смѣлое благоговѣніе передъ Гюго, наконецъ возможные толки о государственныхъ устройствахъ цивилизованныхъ народовъ и посильныя, положимъ хоть и по Кузену, толки о Кантѣ, Фихтѣ, Шеллингѣ и Гегелѣ;

перехватъ всякой новой живой мысли, сочувствіе всякому новому явленію въ жизни и искусствѣ, азартное увлеченіе всякимъ новымъ міровымъ вѣяніемъ: - вотъ что такое «Телеграфъ». Мудрено ли, что имъ увлекалось все молодое и свѣжее, сначала какъ дѣльное такъ и не совсѣмъ дѣльное молодое и свѣжее. Потомъ дѣльное отошло... но объ этомъ послѣ. Я беру шашки въ извѣстную, данную минуту.

Что же этому, во всякомъ случаѣ и прежде всего живому направленію противопоставляли его ожесточенные враги?.. Старцы - оды Державина, поэмы Хераскова и творенія Максима Невзорова. Популярный вождь благоговѣль, даже излишне благоговѣль передъ «потомкомъ Багрима», написалъ даже впоследствии къ Щукинскому изданію сочиненій пѣвца Фелицы, довольно ерундистую статью, а надъ Херасковымъ тѣшился уже Мерзляковъ, а отъ «нравственности Максима Невзорова» претило молодое поколѣніе... Бланжевыя чулки возились съ «Бѣдной Лизой» и «Натальей боярской

дочерью», но во-первыхъ, молодому поколѣнію было уже очень хорошо извѣстно, что самый «Лизинъ прудъ» за Симоновымъ, вовсе не Лизинъ прудъ, а Лисій прудъ, а потомъ, какое ему было дѣло до «Бѣдной Лизы», когда оно жадно упивалось въ «Телеграфѣ» повѣстями моднаго писателя, Марлинскаго, окружнаго въ его глазахъ двойною ореолою, таланта и трагической участи. Какое дѣло было ему до «стоновъ сизаго голубка» воспѣваемыхъ его высокопревосходительствомъ Н. И. Дмитріевымъ, когда чуть-что не каждую недѣлю «Московскія Вѣдомости» печатали въ объявленіяхъ о выходящихъ книгахъ, объявленія о новыхъ поэмахъ Пушкина или Баратынскаго, объ разныхъ альманахахъ, гдѣ появлялись опять-таки эти же славныя, или и менѣе славныя, но все-таки любимыя молодежью имена. Разумѣется, что ужь не только на «Сѣверные цвѣты» накидывалась она, тогдашняя молодежь, не только что старую «Полярную Звѣзду» переписывала въ свои завѣтныя тетрадки, но всякую

новую падалъ въ родѣ «Цефея», «Вѣнка», или, какъ шутилъ самъ издатель въ предисловіи, «Вѣнка грацій» пожирала. И понятное совершенно дѣло. Въ какомъ-нибудь несчастномъ «Вѣникѣ» она встрѣчала одинъ изъ прелестныхъ рассказовъ Томаса Мура въ Лалла Рукъ, «Покровенный пророкъ Хорасана», какой-нибудь переводъ, разумѣется посильный, изъ Гете и Шиллера, или изъ Ламартина и Гюго... Не Россіадами и альманашники подчивали.

А старцы-котурны и старцы-бланжевые горячились, изъ себя вонъ выходили и въ «Вѣстникѣ Европы» и въ нѣжной «Галатеѣ» и еще болѣе нѣжномъ «Дамскомъ Журналѣ» князя Шаликова, и разумѣется, какъ всегда со старцами испоконъ-вѣка бывало, проигрывали свое дѣло...

Что наконецъ могъ противопоставить живому направленію «Телеграфа» и тѣсный кружокъ Аксакова и солидарный съ нимъ во многомъ, но болѣе обширный кружокъ, столпившійся въ «Московскомъ

Вѣстникъ?..» Правда, этотъ послѣдній кружокъ не возставалъ противъ великаго явленія въ литературѣ, противъ Пушкина былъ въ связи съ сателитами блестящей планеты, но вѣдь не перещеголялъ же онъ «Телеграфъ» въ поклоненіи общему идолу и въ другихъ отношеніяхъ; въ своей ожесточенной враждѣ и борьбѣ съ Полевымъ, онъ старался напротивъ перещеголять старцевъ въ котурнахъ и самый «Вѣстникъ Европы», площаднымъ цинизмомъ статей объ Исторіи Русскаго народа.

Московскій Вѣстникъ, страдалъ изначала той несчастной солидарностью съ старымъ хламомъ и старыми тряпками, которая впоследствии подрѣзывала всѣ побѣги жизни въ Москвитянинѣ пятидесятихъ годовъ... Напишешь бывало статью о современной литературѣ, ну, положимъ, хоть о лирическихъ поэтахъ - и вдругъ къ изумленію и ужасу видишь, что въ нее къ именамъ Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Хомякова, Огарева, Фета, Полонскаго, Мея, втесались въ сосѣдство

имена графини Растопчиной, г-жи Каролины Павловой, г. М. Дмитриева, г. Федорова... и - о ужась! Авдотьи Глинки! Видишь и глазамъ своимъ не вѣришь! Кажется - и послѣднюю корректуру и сверстку даже прочель, а вдругъ точно по манію волшебнаго жезла явились въ печати незванные гости! Или слѣдить бывало, слѣдить, зорко и подозрительно слѣдить молодая редакція, чтобы какая нибудь элегія г. М. Дмитриева, или какой нибудь старческой грѣхъ какого либо другого столь же знаменитаго литератора не проскочилъ въ нумеръ журнала... Чуть немного поослабленъ надзоръ, и г. М. Дмитриевъ на лицо и г-жа К. Павлова что либо соорудила, и наконецъ, къ крайнѣйшему отчаянію молодой редакціи, на видномъ-то самомъ мѣстѣ нумера, какая нибудь инквизиторская статья г. Стурдзы красуется, или какая нибудь прошлогодняя повѣсть г. Кулагинскаго литературный отдѣлъ украшаетъ! И это - въ пятидесятые года, все равно какъ въ тридцатые.

Но дѣло-то въ томъ, что въ пятидесятые года у народнаго направленія былъ уже Островскій да начинало уже энергически высказываться Славянофильство честно стараясь разрывать солидарность съ гг. Кулагинскимъ, Муравьевымъ и прочими витязями, а въ тридцатые годы, ничего этого не было. Была только глубокая, даже по всякому времени, не то что только по тогдашнему, статья о литературѣ И. В. Кирѣевскаго, напечатанная въ «Денницѣ», два-три стихотворенія Хомякова, два-три оригинально-талантливыхъ хотя по обычаю неопрятныхъ повѣстей Погодина, его да шевыревская профессорская, болѣе или менѣе замкнутая въ предѣлахъ аудиторіи дѣятельность, и только Аксаковъ, единственный полный художникъ, который вышелъ изъ этого кружка, занимался тогда рѣшительно вздоромъ. Другой, хотя и ограниченный но дѣйствительно даровитый человѣкъ, принадлежавшій даже и не къ кружку Московскаго Вѣстника, а къ тѣсно театральному, солидарный притомъ всю жизнь съ мракобѣсами, съ петербургскимъ

славянофильствомъ, происшедшимъ отъ весьма впрочемъ почтеннаго чловѣка, адмирала Шишкова, - Загоскинъ, еще не издавъ своего «Юрія Милославскаго», а былъ извѣстенъ только какъ писатель комедій, принадлежавшихъ къ отвергаемому, и по справедливости отвергаемому молодежи, роду выдуманныхъ сочиненій.

Да и послѣ появленія пресловутаго «Юрія Милославскаго» - развѣ въ самомъ дѣлѣ произошолъ какой либо переворотъ въ литературныхъ понятіяхъ. Полевой отдалъ справедливость даровитой по тогдашнему времени попыткѣ историческаго романа - даже, съ теперешней точки зрѣнія - отнесся къ нему безъ надлежащей строгости. Между тѣмъ, самъ онъ въ ту пору своимъ пониманіемъ народа и его исторіи стоялъ несравненно выше чѣмъ первый русскій романистъ - и молодежью это очень хорошо чувствовалось. Вѣдь Полевой только что в послѣдствіи да и то искусственно дошолъ въ своихъ драмахъ до той квасной кислоты и нравственной

сладо́сти, кото́рая господствуетъ въ романахъ Загоскина вообще. Въ ту же пору, въ пору тридцатыхъ годовъ, онъ стоялъ высоко.

Читали ли вы, люди позднѣйшаго поколѣнiя - его литературную исповѣдь, которую предпослалъ онъ своей книгѣ: «Очерки Русской Литературы». Еще не очень давно - года два назадъ, я перечитывалъ ее - и чувство симпатiи до умиленiя къ этой даровитой, жадной свѣта, личности, всѣмъ обязанной самой себѣ - притекало въ мою душу - и чрезвычайно омерзительною представлялась мнѣ знаменитая пародiя на Жуковского «Свѣтлану» - сочиненная однимъ изъ бездарныхъ, но весьма солидныхъ старцевъ, въ которой Полевой передъ какимъ-то трибуналомъ (безъ трибуналовъ старцамъ не живется) обвиняется между прочимъ въ томъ что

..Извѣстно міру

Какъ онъ въ Курскѣ еще былъ

Старый кругъ Шекспиру.

Какъ онъ друга своего

«Уходилъ ста за три,
Анатомили его

На большомъ театрѣ.

но въ заключеніе о бѣдномъ, убитомъ
судьбою, загнанномъ обстоятельствами,
даровитомъ и многосдѣлавшемъ
публицистѣ, злорадно рассказывалось, что

У газетчика живетъ

Онъ на содержаньи.

Не говорю ужъ я о томъ, что анатомилъ
Гамлета на большомъ театрѣ величайшій
сценической геній русской сцены т. е.
Мочаловъ, и что Полевой своимъ
поэтическимъ и единственно возможнымъ
для русской нашей сцены переводомъ
Гамлета такъ уходилъ своего стараго друга,
что Гамлетъ разошелся чуть что не на
пословицы. Это еще ничего, потомучто о
вкусахъ не спорятъ; но ругаться надъ
человѣкомъ, который долго, честно, жарко
боролся и силою совершенно внѣшнихъ
обстоятельствъ вынужденъ былъ круто
поворотить съ одной дороги на другую,
вынужденъ для спасенія семьи отъ голода и
за неимѣніемъ собственнаго журнальнаго

органа работать у Сеньковского, ругаться вмѣсто того, чтобы сожалѣть о слабости характера даровитаго литературнаго дѣятеля, достойно только тѣхъ старцевъ, которые, навязывая свою солидарность народному направленію, какъ ржавчина подѣдали чистоту задачъ «Московского Вѣстника» и «Москвитянина»... («Русскую Бесѣду» также и «День» не удалось имъ опозорить этою солидарностью - и слава Богу!)

О старцы, старцы! Прошло уже много лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ мы, т. е. кружокъ, во главѣ котораго стояли Погодинъ и Островскій, несли со всѣмъ пыломъ и энергіей молодости, съ ея весельемъ и свѣжестью лучшія силы, лучшіе соки жизни на служеніе національному направленію и не могли однако поднять нашъ журнальный органъ, именно потому только что глава редакціи, Погодинъ, не могъ отречься отъ губительныхъ солидарностей; прошло уже около десяти лѣтъ послѣ этого, но безъ приливовъ жолчи я и теперь еще не могу

вспомнить о нашихъ тщетныхъ, хоть и жаркихъ усиліяхъ...

Есть, еще разъ повторю я, новыя книги, въ которыхъ или цѣлая литературная пора, или извѣстное направленіе сказываются по домашнему. Вотъ также книжка на примѣръ «Московскія элегіи», г. М. Дмитріева. Маленькая, но назидательная, я вамъ скажу, книжка, способная самого истаго москвича, если только въ немъ мало настоящей московской закваски довести до полнѣйшаго остервененія на такую Москву, какая является идеаломъ для «маститаго», говоря высокимъ тономъ, пѣвца; книжка, которая если паче чаянія одна только вмѣстѣ съ нашими обличительными изданіями уцѣлѣетъ для отдаленнаго потомства, способна оправдать даже хамскую ненависть къ почвѣ и Москвѣ какой нибудь «Абличительной Головѣшки», какъ «назидательная головѣшка» г. Аскоченскаго, если тоже она одна уцѣлѣетъ, способна оправдать нашихъ бюхнерчиковъ и молешотиковъ. Большой «иіііі» фаміи наложить на Москву, какъ

наложили эти поэтическіе досуги невозможно; врагъ самый заклѣтой ничего такого не выдумаетъ... Это не добродушные рассказы Фамусова-Загоскина о прелестяхъ стараго дворянскаго житья, съ масой вѣрныхъ рабовъ, не комическія наслажденія гаерствомъ шутовъ и шутихъ, не наивные восторги, которые сами же себя и обличаютъ... нѣтъ! это Фамусовъ, дошедшій до лирическаго упоенія, до гордости, до помѣшательства на весьма странномъ пунктѣ, на томъ именно, что Аркадія единственно возможна подъ двумя формулами, барства съ одной и назойства съ другой стороны, это Фамусовъ явно и по рефлексіи презирающій народъ и въ купечествѣ и въ сельскомъ свободномъ сословіи, Фамусовъ - идеалистъ, которому совершенно безстыдно жаль, что для изображенія зефировъ и амуровъ, не свозятъ

на многихъ фурахъ

Отъ матерей, отцовъ отторженныхъ
дѣтей

и который въ Москвѣ старой видитъ идеаль барскаго города... въ великой, исторической, народной Москвѣ, свободно растительно разстилавшейся въ теченіе столѣтій своими «слободами», замыкаемой тщетно стѣнами то бѣлаго, то землянаго города и рвавшейся въ ширь безпредѣльную...

Людымъ и не съ такимъ узкимъ идеаломъ народности, а всѣ «старцы» тридцатыхъ годовъ, старцы ли съ котурнами или старцы въ бланжевыхъ чулкахъ - именно такой только идеаль въ душѣ носили, было не подъ силу бороться съ популярнымъ купчишкой... Даже и серьезные, народные люди кружка Московскаго Вѣстника, не могли съ нимъ бороться, потомучто сами въ сущности не знали за что съ нимъ борятся... Они тянули къ преданіямъ, къ исторіи, къ народу, да вѣдь и онъ по сердцу тянулъ туда же, только они не отличали преданій народа отъ преданій старцевъ и заявляли свою солидарность съ ними, чего онъ,

Отродіе купечества,

Изломанный аршинъ
не могъ съ ними раздѣлять, ибо преданія старцевъ онъ, демократъ по рожденію и духу, ненавидѣлъ такъ же сильно какъ ненавидѣлъ ихъ кровный аристократъ Грибоѣдовъ.

За него было все, всякая новая европейская мысль, которую сообщалъ онъ тотчасъ же, схватывая ее на лету, читателямъ; каждое вѣяніе жизни современной, да и само правильное чувство національности. Этому чувству надобно было на время отнестись совершенно отрицательно къ художественной постройкѣ нашего историческаго быта Карамзинымъ по одной, абсолютно-государственной идеѣ - и Полевой явился въ своей исторіи и въ своихъ романахъ представителемъ этой отрицательной потребности: онъ началъ работу, которая еще до сихъ поръ не кончена да еще и нескоро кончится.

Могли ли язвить его тогда и ругательства двухъ Вѣстниковъ и эпиграмы г. М. Дмитриева и водевильные куплеты

Писарева. Все это было тогда несравненно ниже его уровня.

Понятное дѣло, что люди впечатлительные, какъ В. А. Ушаковъ, я опять возвращаюсь къ факту съ котораго началъ, были на его сторонѣ, были совсѣмъ его сеидами, съ азартомъ накидывались на все ему и имъ враждебное, и каково ни будь на примѣръ мое и ваше глубокое уваженіе къ покойному Аксакову, но фельетонъ Ушакова перестаетъ возмущать ваше чувство... Вѣдь даже въ менѣ крупныхъ вопросахъ чѣмъ тѣ, которыхъ я коснулся изображая общее настроеніе эпохи, Полевой и его направленіе расходились постоянно съ своими противниками.

Быль на примѣръ, или лучше только что начиналъ быть въ это время на сценѣ, весьма странный чудакъ, котораго имя я упомянулъ и котораго имя я постоянно вношу самымъ смѣлымъ образомъ въ исторію цѣлой полосы нашего развитія, не просто какъ имя сценическаго художника, осуществителя образовъ данныхъ

литературою, а какъ имя представителя вѣянiя, творца образовъ самостоятельнаго, поэта, который былъ въ своемъ творествѣ цѣльнѣе и выше своихъ драматурговъ. Я говорю конечно о Мочаловѣ, но не съ тѣмъ чтобы о немъ повести рѣчь... Мѣсто ему, какъ одному изъ великихъ воспитателей всего нашего поколѣнiя, въ дальнѣйшемъ теченiи моихъ записокъ. Здѣсь я коснусь только отношенiя къ этой гениальной силѣ того и другого лагеря. Аксаковъ на примѣръ какъ самъ художникъ, Загоскинъ какъ даровитый и впечатлительный русскiй человекъ, князь Шаховской и Кокошкинъ какъ большiе знатоки и любители театра, конечно одни, какъ Аксаковъ, и понимали и чувствовали, другiе только чувствовали - что это за сила самобытная и могучая, но или всѣ, кромѣ впрочемъ женственно воспрiимчиваго Загоскина, не брали его такимъ, какимъ Богъ его создалъ, хотѣли отъ него чего-то условнаго въ художествѣ, чего-то условнаго и въ жизни, не мирились съ его безпутствомъ, возмущались его плебействомъ и прочая. Взять его такимъ

какимъ онъ былъ, предоставлено было только Полевому, короновавшему его ролью Гамлета, да Бѣлинскому разъяснившему этого оригинальнаго Мочаловскаго Гамлета... Но обо всемъ объяснимъ послѣ.

Я рассказалъ вамъ мой читатель (на читательницъ въ отношеніи этихъ главъ я плохо разсчитываю, и полагаю, что такъ называемыя серьезныя изъ нихъ находятъ теперь болѣе вкуса въ анатомическихъ, чѣмъ въ историческихъ дисертаціяхъ), положеніе литературныхъ шашекъ въ избранную мною минуту.

Но вы не торопитесь пожалуйста совсѣмъ становиться на сторонѣ не только что фельетониста Ушакова противъ С. Т. Аксакова и его кружка, но даже и на сторонѣ Полеваго противъ старцевъ и Московскаго Вѣстника. Вы все помните, все держите пожалуйста въ головѣ пословицу: девять разъ примѣрь, и въ десятый отрѣжь, и все имѣйте въ виду концы, а именно:

1) Что В. А. Ушаковъ кончить «Висяшей».

2) Что Полевой напишетъ «Парашу», «Ермака» и проч.

3) Что наконецъ самая борьба, поднятая имъ противъ абсолютно-государственной идеи Карамзина, кончится въ наши дни хохлацкимъ жартомъ надъ русскою исторіею, сведеніемъ Московскаго государства на одну доску съ разными отпадшими ханствами и проч. или не то поморскими, не то просто поморными галлюцинаціями русскихъ историковъ «Искры».

Вотъ вы это все имѣйте въ виду, и такъ какъ процессъ литературныхъ стремленій есть процессъ органической, то поприглядитесь еще къ данной минутѣ и посмотримъ нѣтъ ли уже въ ней самой зачатковъ плана разложенія.

Есть, и есть несомнѣнно. Я говорилъ до сихъ поръ «по волку», стоитъ только начать говорить «противъ волка».

Полевой и его направленіе дѣйствительно отражали въ себѣ какъ въ

зеркалѣ всѣ современныя вѣянiя, но отражали безразлично, поверхностно, почти что бессознательно. Молодежь, воспитываемая этими бессознательно отраженными направленими дѣлилась на двѣ части: одну - меньшую, которая шла въ глубь дѣла, принимала вѣянiе въ сурьезъ, переводила ихъ въ жизнь и скоро ощущала страшное неудовлетворенiе поверхностнымъ отраженiемъ, а другую, конечно многочисленнѣйшую, которая совершенно довольствовалась верхами, и вѣроятно доселѣ вѣкъ свой доживаетъ въ безразличномъ поклоненiи и Гюго и Марлинскому, и въ абсолютномъ непониманiи всего новаго и живого, начиная съ самого Гоголя.

Та и другая молодежь, два фазиса того что я не разъ уже называлъ русскимъ романтизмомъ и что совершенно непохоже на другiе романтизмы. Русскiй романтизмъ такъ отличается отъ иностранныхъ романтизмовъ, что онъ всякую мысль, какъ бы она ни была дика или смѣшна, доводитъ до самыхъ крайнихъ граней и притомъ на

дѣлѣ. Нѣмецъ на примѣръ, можетъ родъ
человѣческой производить отъ обяzań и
исправлять какую угодно хоть пасторскую
обязанность: доходить до крайнѣйшаго
отрицанія всякихъ нравственныхъ основъ
или до самыхъ фантазмагорическихъ
галюцинацій и не спится съ кругу, ибо
такихъ чудаковъ какъ Гофманъ, который
отъ своихъ принцевъ - пѣвковъ, серпентинъ
и иныхъ созданій своей чародѣйной
фантазіи обрѣталъ успокоеніе только въ
Ауэрбаховскомъ погребкѣ да тамъ же
большею частію и создавалъ ихъ - или
такихъ какъ Максъ Штирнеръ, который
довелъ до крайнѣйшей безумной
последовательности мысль объ
абсолютныхъ правахъ человѣческаго я да и
сѣлъ въ сумасшедшій домъ, очень немного.
Великій Гегель по сказанію извѣстнаго
ерника Гейне выразился какъ-то въ бесѣдѣ
неуважительно насчетъ планетъ небесныхъ,
да и сѣлъ потомъ преспокойно за вистъ.
Французъ тоже за исключеніемъ
лихорадочныхъ эпохъ исторіи, когда милая
tigre-singe разыграется до голвокруженія,

вообще весьма склоненъ къ нравственной жизни, наслажденіямъ фантастическими и иными прелестями по весьма правдивымъ сказаніямъ Федора Достоевскаго. Но мы народъ какой то неумный, какой-то грубо-первобытный народъ. Мысль у насъ не можетъ еще какъ-то разъединяться съ жизнію. Закружилась у насъ голова отъ извѣстныхъ вѣяній, такъ ужъ точно закружилась. Печальныя жертвы приносили мы этимъ вихрямъ въ видѣ Полежаевыхъ, Мочаловыхъ, Марлинскихъ, даже Лермонтовыхъ.

Вотъ людей такого-то чисто русскаго закала, людей съ серьезной жаждой мысли и жизни, способныхъ прожигать жизнь или ставить ее на всякую карту, кромѣ еще небольшого кружка людей дѣльныхъ, способныхъ спеціально чѣмъ нибудь заняться - мало удовлетворяло направленіе Телеграфа и общій уровень тогдашней литературы. Праздношатательство, эпикурейство, весьма притомъ дешовыя, луна, мечта, дѣва, - тряпки, тряпки! но позднѣйшему остроумному выраженію

Сеньковскаго Брамбеуса, проповѣдуемые въ поэзіи сателлитами Пушкина и всякими виршеплетами въ безчисленныхъ альманахахъ; нѣмецкій сентиментализмъ, который сталъ скоро примѣшиваться въ повѣстяхъ Полеваго и другихъ къ лихорадочно-тревожнымъ вѣяніямъ и вель совершенно послѣдовательно къ знаменитому приторно-мѣщанскому эпилогу Абадонны; - все это могло удовлетворить окончательно только ту молодежь, которая, какъ на примѣръ мой наставникъ, въ сущности переводила романтическія стремленія на суть знаменитой пѣсни:

Для любви одной природа

Насъ на свѣтъ произвела,

да уѣздныхъ или замоскворѣцкихъ барышень, которые все ожидали что въ послѣдней главѣ Онѣгина явится опять не убитый имъ и только почтенный убитымъ Ленскій и соединится съ овдовѣвшею Ольгою, равномѣрно какъ Онѣгинъ съ Татьяной. Изъ юношей вѣрившихъ въ упомянутую пѣсню образовались или подячіе пивогрызы или лекаря взяточники

или просто нюни и пьянюги; изъ барышень конечно Кукушкины съ жадностию читающія и въ зрѣлыхъ лѣтахъ, «когда препятствія исчезаютъ и два любящіяся сердца соединяются». Все это какъ слѣдуетъ. Даже многіе изъ поэтовъ тогдашнихъ, проклинавшихъ жизнь и сѣтовавшихъ на то какъ тяжело:

....быть въ толпѣ безчувственныхъ
людей,
преспокойно дослужились до чиновъ
извѣстныхъ и до пряжекъ за
двадцатипятилѣтіе.

Все это не только что удовлетворялось окончательно и Полевымъ и его направленіемъ, но вѣроятно и до сихъ поръ, если еще здравствуетъ на свѣтѣ, то удовлетворяется. Да не то, что вѣроятно, а это фактъ. Читали вы напримѣръ недавно вышедшую поэму М. Жандра: «Свѣтъ». Курьезъ занимательный. Тридцатые годы, совершенно какъ были, вдругъ возлетаютъ передъ вами запоздалымъ явленіемъ, - совсѣмъ какъ были, съ личностями непризнанныхъ поэтовъ, воздушныхъ

графинь или княгинь, съ рѣчами а la Марлинскій, все это мужескій полъ чуть ли, не въ тѣхъ же фракахъ съ откинутыми широкими бортами и длиннѣйшими таліями, въ башмакахъ съ ажурными чулками изъ-подъ обтянутыхъ панталонъ, а женскій или прекрасный полъ въ шляпкахъ съ какими-то ракушками, съ буфами-шарами рукавовъ и напротивъ съ короткими таліями... Или, загляните на задніе дворы литературы, прочтите «Наташу Подгоричъ» или другіе недавніе романы, которыми еще не перестаетъ дарить свою публику «маститый» московскій романистъ, г. Воскресенскій. Вотъ вамъ уцѣлѣвшія мумія Полеваго и его направленіе.

Въ нихъ самихъ т. е. въ Полевомъ и въ тогдашнемъ направленіи литературы, котораго онъ былъ горячимъ и даровитымъ, но совершенно слѣпымъ вождемъ, лежало ихъ крайне пустое будущее. Литература уже въ концѣ тридцатыхъ годовъ размѣнивалась на пошлѣйшіе альманахи. Пушкинъ начиналъ уже отъ нея отвертываться и уходитъ въ самого себя.

Полевой уже подавалъ руку Булгарину и начиналъ не понимать Пушкина. Да вѣдь и мудрено было, воспитавшись Иваномъ Выжигинымъ и снисходительно отнесшись къ Димитрію Самозванцу знаменитаго уже и тогда понять сцены изъ «Бориса», появлявшіяся хоть рѣдко въ хорошихъ альманахахъ.

«Борисъ» то и сталъ въ своей величавой цѣлости и былъ для многихъ, въ томъ числѣ и для Полеваго самого, камнемъ претыканія и соблазна. «Борисъ» же, съ другой стороны, выдвинулъ ярко другого литературнаго дѣятеля, которому суждено было отвѣтить потребностямъ серьезной молодежи, положить основы дальнѣйшему ходу критическаго сознанія, и кромѣ того воспитать и дать поколѣнію его настоящаго вождя, Виссаріона Бѣлинскаго.

Этотъ крестный отецъ великаго борца, былъ циникъ-семинаристъ, Никодимъ Надоумко. То есть Никодимомъ Надоумко былъ онъ до 1831 года и въ одной только первой книжкѣ новорожденнаго «Телескопа» за этотъ годъ. Затѣмъ явился

редакторъ журнала Н. И. Надеждинъ, одинъ изъ оригинальнѣйшихъ самородковъ, одинъ изъ величайшихъ русскихъ умовъ и одна изъ громаднѣйшихъ учоностей, съ положительнымъ отсутствіемъ характера, отсутствіемъ почти такимъ же какъ въ другомъ современномъ ему дѣятелѣ. Сеньковскомъ, равно оригинальному, по уму, равно обладавшимъ изумительною учоностью...

Въ 1829 году дряхлѣвшаго до «жалости подобнаго» состоянія «Вѣстника Европы», наводившаго сонъ или уныніе и своимъ Лужницкимъ старцемъ и своими литературными взглядами

Временъ очаковскихъ и покоренья
Крыма

въ статьѣ «Сонмище Нигилистовъ» явился новый, свѣжій, цинически-грязный, но по своему остроумный и несомнѣнно энергическій дѣятель подъ именемъ Никодимъ Надоумко. Слово «нигилистъ» не имѣло у него того значенія, какое въ наши дни придалъ ему Тургеневъ. «Нигилистами онъ звалъ просто людей,

которые ничего не знают, ни на чемъ не основываются въ искусствѣ и жизни, ну, а вѣдь наши нигилисты знаютъ пять книжекъ и, на нихъ основываются... Надоумко повель странныя по плану и по содержанию бесѣды съ просвирнями, корректорами типографій и иными выводимыми имъ лицами, о пустотѣ литературнаго направленія, нещадно возставаль, больше впрочемъ изъ угожденія старцамъ, на Пушкина - въ чемъ конечно никто ему не сочувствовалъ, на Полеваго и его поверхностность, въ чемъ уже многіе ему сочувствовали, на праздношатаніе мысли и чувства...

Затѣмъ, рядомъ статей подъ псевдонимомъ Надоумки завоевавши себѣ извѣстность, а диссертациею *De poesia Romantica* степень доктора философіи и каѳедру, Н. И. Надеждинъ раскланялся съ старцами и ихъ органомъ и началъ издавать «Телескопъ». Въ первомъ же номерѣ, какъ я упомянулъ, онъ одинъ во всей своей тогдашней критикѣ объявилъ себя за

пушкинскаго «Бориса», и всталъ во главѣ всей серьезной молодежи.

Но это уже относится къ 1831 году...

VI.

ОТЗЫВЫ ПРОШЛАГО.

Между тѣмъ, старое поколѣніе, сходявшее съ поля дѣйствія или долженствовавшее сойдти по непреложнымъ законамъ исторіи, доживало же свою жизнь съ чѣмъ нибудь, хранило же на себѣ слѣдъ тѣхъ вѣяній, которыя во время оно болѣе или менѣе могущественно уносили его за собою и передавало же или покрайней мѣрѣ старалось передавать поколѣнію молодому эти для него еще живыя вѣянія?..

Конечно такъ. Сколь ни мало серьезнаго вынесъ мой отецъ изъ своей юности, но все-таки же по преданіямъ помнилъ и

Пою отъ варваровъ Россію свободенну

Попранну власть Татаръ и гордость
угнетенну

Потомъ

Россійскіе князья, бояре, воеводы

Прешедшіе за Донъ отыскивать свободы
и другія тирады изъ «Димитрія Донскаго»,
разумѣется вмѣстѣ съ пародіей «Митюха
Валдайскій» и другой пародіей, въ которой
отмѣнною энергіею отличался отвѣтъ
ханскому послу:

Поди и разкажи Мамаю,

Что я его и проч.

помнилъ и съ восторгомъ, конечно уже
подогрѣтымъ преданіемъ, читалъ и оду
Богъ и Фелицу Державина. Впрочемъ онъ
былъ уже человѣкъ не державинской а
карамзинской эпохи, Сумарокова совсѣмъ
не зналъ, Хераскова только что оставлялъ
собственно въ покоѣ, за то съ большимъ
чувствомъ цитировалъ Нелединскаго
Мелецкаго и Дмитріева, особенно

Ахъ когда бъ я прежде знала,

Что любовь родить бѣды,

самъ же впрочемъ и пародировалъ цинически конецъ этого нѣжнаго стихотворенія.

Странный человѣкъ во многихъ отношеніяхъ былъ мой отецъ, или лучше сказать, бывалъ въ разныя эпохи. Не касаюсь еще его чисто житейскихъ отношеній... Но со стороны духовной, онъ именно представлялъ собою типъ умнаго дюжиннаго человѣка первоначальной карамзинской эпохи. Для того, чтобы представлять этотъ типъ, судьба дала ему и достаточно много воспріимчивости, легкости усвоенія впечатлѣній и достаточно мало нравственной твердости и умственной глубины. Какъ въ жизни онъ способенъ былъ подчиняться всякой обстановкѣ, ради тишины и мира, такъ и въ духовномъ развитіи. Но въ сущности подчиненіе было только видимое, чисто внѣшнее. Что-то упорно въ немъ сохранялось для тѣхъ, кто зналъ его такъ близко какъ я впоследствии. Въ эпоху пятидесятихъ годовъ на примѣръ, ему уже было за шестьдесятъ, но вдругъ оставшись одинъ вдовцомъ и тотчасъ же

окруженный кружкомъ молодежи, онъ чрезвычайно легко освоился съ своимъ новымъ положеніемъ, нашолъ въ немъ смѣхъ, не только не мѣшалъ намъ всѣмъ, но самымъ наивнымъ образомъ дѣлилъ съ нами наши литературные интересы... и въ сущности эта наивность не была искренна. «Что-то», повторяю, упорно въ немъ засѣло и по временамъ выскакивало наружу особенно, при маломальски неблагопріятной обстановкѣ... Судьба вообще довольно немилостиво съ нимъ обходилась, какъ и со всей нашей породой, и увы! одинъ изъ самыхъ немилостивыхъ ея презентовъ старику, былъ конечно я... Пока дѣла шли хорошо, онъ можно сказать, шолъ за мной всюду, но когда хорошая или покрайней мѣрѣ сносная полоса жизни смѣнялась очень несносною, старикъ впадалъ опять въ прежній упорный эгоизмъ.

Такое же что-то сидѣло у него и въ мірѣ умственно-нравственномъ. Это не была его самость, личность, ибо личности въ немъ не было и онъ развился какъ-то такъ, что рѣшительно не дорожилъ ни своею ни

чужою личностю - но нѣчто, если не вколоченное (ибо сколько я знаю дѣдъ не биваль его а даже спускаль многое добродушному и вѣроятно плаксивому ребенку) то задавившее его своимъ гнетомъ, подрывавшее въ немъ всякую серьезную воспримчивость. И это нѣчто не были убѣжденія его отца, а моего дѣда, ибо у того были крѣпкія убѣжденія, а просто - это была вся бывалая эпоха, воспринятая его душою безразлично, безсознательно, такъ сказать рабски, не осмысленная никакимъ логическимъ процесомъ, засѣвшая въ умъ гуртовымъ хаосомъ. Что дѣдъ, который какъ я уже говорилъ, былъ Степанъ Багровъ, хоть конечно менѣе грандіозный и менѣе грандіозно-поставленный къ жизненной обстановкѣ, виновать въ развитіи такого рода воспримчивости въ отцѣ моемъ - нѣтъ никакого сомнѣнія. Онъ запугаль его съ дѣтства, запугаль до того, что отецъ мой никогда не чувствовалъ къ нему любви а чувствовалъ только боязнь: до самыхъ раннихъ лѣтъ онъ боялся паче всего

разсужденія, привыкъ все принимать безразлично. Въ жизни онъ потомъ, какъ только выпустили его нѣсколько на свободу, разумѣется «свертѣлся», попалъ въ довольно низменную обстановку и вынужденъ былъ въ ней основаться, и разумѣется ей подчиниться. Но натура человѣческая такъ ужь устроена, что даже при самой слабой закваскѣ, все-таки упорно стремится къ самостоятельности и ея выраженію въ жизни и разумѣется, разнузданная, выражаетъ въ жизни не самостоятельность а самодурство. Рабы становятся непременно деспотами при малѣйшей возможности, но и деспотизмъ ихъ не есть проявленіе ихъ личности, а невольное подражаніе деспотизму старыхъ господъ. Въ жизни - при маломальски хорошей и комфортабельной постановкѣ, отецъ рѣшительно перенималъ деспотизмъ дѣда, но конечно, по отсутствію крѣпкой закваски въ его натурѣ, проявленія никогда не носили долю серьезнаго оттѣнка, а разрѣшались почти всегда комически.

Но тѣмъ-то и дорогъ въ особенности мой отецъ, какъ субъектъ изслѣдованія, что онъ былъ умный и вмѣстѣ нравственно-дѣятельный человѣкъ, совершенно въ родѣ того, котораго вы можете представить себѣ читая «Дневникъ студента». Недаромъ, съ авторомъ этого Дневника, покойнымъ Жихаревымъ, онъ сохранилъ отношеніе дольше чѣмъ съ другими своими товарищами по университетскому пансіону, хоть Степанъ Петровичъ и чины большіе произошолъ, а онъ такъ и остался на всю жизнь титулярнымъ совѣтникомъ...

Всѣхъ этихъ общихъ основъ природы отца я коснулся только для того, чтобы объяснить какими онъ долженъ былъ жить умственными и литературными вѣяніями.

Державина онъ уважалъ какъ уважалъ разныхъ фетишей, съ той только разницей, что его онъ не боялся. Оды его нѣкоторыя онъ читалъ съ извѣстнаго рода декламаціей, чуть что не слезнымъ тономъ, и даже непристойныхъ пародій, къ сочиненію которыхъ имѣлъ онъ большую страсть (наслѣдованную впрочемъ и мною), никакъ

себѣ не позволялъ... Но это именно былъ фетишизмъ слѣпой и безсознательный. Другое дѣло были для него Карамзинъ, въ его первоначальной дѣятельности, и Дмитриевъ въ его сказкахъ, Нелединскій въ чувствительныхъ пѣсняхъ; подъ эти пѣсни и онъ конечно по своему любилъ нѣкогда и нѣжничалъ, если онъ способенъ былъ хотя какъ нибудь любить и нѣжничать... Сказки Дмитриева были *profession de foi* полускоромнаго, полу-нравственнаго воззрѣнія на жизненныя отношенія его эпохи; Карамзинъ въ своей первоначальной дѣятельности чрезвычайно развивалъ сердечную доброту и нѣжность, свойства самыя полезныя для того, чтобы жизнь прожить въ тишинѣ и мирѣ... Поклоненіе Карамзину какъ историку Государства Россійскаго, было уже опять слѣпо и неискренно какъ фетишизмъ, и въ особенности основывалось на высокихъ чинахъ исторіографа и близости его ко двору.

Жуковскій прошолъ какъ-то мимо моего отца, не задѣвши его души никакими

сторонами. Оно и понятно. Отец былъ совсѣмъ земной, плотской человѣкъ: заоблачныя стремленія и заоблачный лиризмъ были ему совершенно непонятны, Пушкина высоту онъ какъ умный человѣкъ не понимать не могъ, но отношеніе его къ Пушкину было какое-то весьма странное. То онъ его бранилъ какъ писателя развратнаго и, какъ онъ говорилъ, злого, - все это конечно въ противоположность Карамзину, котораго всякая страница добротой дышетъ; то, какъ только ему начинали молодые люди цитовать что нибудь изъ Полежаева на примѣръ, онъ говорилъ, нѣтъ! это не Пушкинъ! отправлялся на другой же день къ знакомому книжнику въ «городъ» (гостиный дворъ); привозилъ какую либо поэму Пушкина и съ увлеченіемъ, хотя съ старою декламаціею читалъ ее вслухъ. Злыми же писателями, но въ высшей степени талантливыми, считалъ онъ Грибоѣдова и автора «Думъ» и «Войнаровскаго», ставя послѣдняго чуть-ли по размаху не выше Пушкина. Къ

Марлинскому, которому поклонялась молодежь, питаль онъ очень мало сочувствія.

Все это и старое и новое носилось вокругъ меня, читалось за полночь отцомъ и Сергѣемъ Ивановичемъ въ спальнѣ отца и матери, подлѣ моей дѣтской, читалось цѣлымъ гуртомъ, безразлично... и Пушкинъ и Марлинскій, и «Исторія Государства російскаго» и «Иванъ Выжигинъ» и «Юрій Милославскій» и романы Вальтера Скотта, выходившіе тогда безпрестанно въ переводахъ съ французскаго.

Чтеніе производилось пожирающее. Но въ особенности съ засосомъ, сластью, искреннѣйшею симпатіею и жадностью читались романы Радклифъ, Жанлисъ, Дюкре Дюмениля и Августа Лафонтена.

О нихъ, о томъ мірѣ, которымъ населяли они дѣтское воображеніе, я считаю нужнымъ поговорить въ особенной главѣ.

Аполлонъ Григорьевъ.

